

Сегодня — 95 лет со дня рождения великого русского поэта

Вел. Ленинград. — 1990. — Зокт.

«Друг мой любезный...»

Очередной есенинский юбилей вновь возвращает нас к 20-м годам, ко времени, когда поэт бывал в Петрограде — Ленинграде. Многим ленинградцам знаком дом на углу набережной Невы и нынешней улицы Фурманова. Бывший адрес этого дома: Гагаринская улица, 1. Здесь, в квартире № 12, неоднократно бывал Есенин. В том доме поэт всегда радушно встречал его близкий друг, в прошлом рабочий-печатник, Александр Михайлович Сахаров. В квартире Сахарова Сергей Есенин написал и посвятил хозяйину свою знаменитую поэму «Русь Советская». Вспомним мемуары ленинградского поэта Вольфа Эрлиха*, их начало: «Гагаринская, 1, кв. 12. Маленькая, грязная улица, идущая от Невы. На ней — рынок, булочная, парикмахерская и две пивных... В угловом, выходящем на Неву доме (второй двор, направо) — квартира с большим коридором... кабинетом, заваленным книгами... Квартира принадлежит Александру Михайловичу Сахарову. В ней живут — жена

Сахарова, брат его, дети и всегда кто-нибудь чужой...»

А. М. Сахаров (1894—1952) в годы дружбы с Есениным начиная с 1919 года работал секретарем секции полиграфических производств Совета народного хозяйства Северного района, являясь также членом коллегии полиграфического отдела ВСНХ. Помимо встреч с поэтом в Москве и Ленинграде, Сахаров брал Есенина с собой в служебные командировки. Так, в марте 1920 года они выезжали на Украину. Именно в этой поездке был сделан редкий ныне снимок, на котором запечатлены друзья весной 1920 года в Харькове. Известен и другой снимок: Есенин и Сахаров у подножия «Медного всадника» поздней осенью 1925 года. Благодаря усилиям Сахарова в 1922 году был издан на его средства есенинский «Пугачев». Долгие годы в квартире Сахарова на Гагаринской хранились экземпляры поэмы Есенина. Об этом мне рассказывал сын Сахарова — Глеб Александрович, который в последние годы жизни жил на Васильевском острове, на Детской улице. Но он бережно хранил сохранившиеся вещи отца, которые помнили и Есе-

нина. Большой знаток книг, Александр Михайлович собрал хорошую библиотеку, ею пользовались и Есенин, и Чапыгин, и Никитин, другие ленинградские писатели, дружившие с Сахаровым. Есенин часто об-

ращался к Сахарову с различными просьбами издательского характера. «В конце концов, — вспоминал Александр Михайлович, — я и сам втянулся в работу этого издательского коллектива (речь

идет об издательстве «Эльзевир»), помогал и содействовал ему... Известна и дружеская переписка поэта с А. М. Сахаровым, опубликованная в шестом томе собрания сочинений С. А. Есенина. В одном из писем (апрель 1921 г.) читаем: «Милый Сашка! Привет тебе и целование. Друг мой любезный, сделай все, что возможно, с моей книгой, только по другому плану. Издай только стихи, а поэмы выкинь. Потому что они выходят на днях здесь. Озаглавь «Ржанные кони». Книга первая. Я еду в Ташкент, в мае вернусь. Что тебе нужно, накажи — я привезу. Любящий тебя С. Есенин (Москва)».

После смерти Есенина и дальнейшая судьба Сахарова сложилась драматически. Он подвергался репрессиям, затем работал на стройках Казахстана, в тех краях он и умер в 1952 году, в пору, когда имя Есенина еще было в загоне и забвении... А в Ленинграде сейчас живет его дочь — Елена Александровна. Педагог по профессии, долгое время она жила в доме Достоевского, что ныне стоит в развалинах на Владимирском проспекте.

Воспоминания А. М. Сахарова публикуются впервые. Эти записи сумел сохранить один из знакомых Сахарова по казахской ссылке. Думаю, что этот материал прозвучит сегодня близким отзвуком далекого минувшего есенинского времени.

Предисловие и публикация
Алексея КАЗАКОВА

Александр САХАРОВ

Из воспоминаний о Сергее Есенине

С Есениным я познакомился приблизительно в 1919—20 годах. Сам я природный ленинградец, тогда работал в Москве по профсоюзной линии и бывал у руководства советской художественной печати. Имел, знаете, чины-ранги... Советская власть многих петухов сделала орлами. Кто был ничем, тот стал всем... Водился я с крупными именами, не гнушался и мелочью... Не помню точно, с кем именно однажды ко мне в кабинет вошли двое, один из них назвался Есениным и протянул руку. О Есенине я слышал, читал его стихи, но увидел его в первый раз. Произвел он на меня впечатление что-то вроде мальчишеского, а когда заговорили, помню, об издательстве и поэзии, я сразу понял, что имею дело далеко не с мальчиком, а очень серьезным и смелым молодым человеком, горячим, темпераментным и принципиальным. Эге, подумал я, вот он каков, Есенин. Говорили недолго, расстались дружески. С этого времени он стал захаживать ко мне чаще, и мы незаметно подружились... По должности я поддерживал связь с разными писательскими организациями, а их был тогда легион — пролетарские, крестьянские, пролеткульты, футуризма, имажинизма и разных «измов». Есенин, в сущности, ни к какой организации плотно не прирастал, как-то обособлялся. Одно время ему нравились, как он говорил, имажинисты. Но это было быстро, неустойчиво. У него произвольно выпирала своя манера, есенинская. Нередко у нас бывали дружеские, но горячие споры о поэзии. Заходил он ко мне, как говорят, запросто или на работу, или на квартиру, читал свои стихи, без них, казалось, он не мог и часу жить, дышать... Приходилось мне кое в чем помогать ему по издательским, по «Стоилу Пегаса»... Характер у Есенина был вспыльчивый, прямолинейный, задиристый. Временами Есенин был дерзок, но скоро остывал и делался даже нежным, внимательным, грустно улыбался от доброты душевной. Рост его был, пожалуй, малость выше среднего, фигура типично мужская, но очень изящная и гибкая, особенно он был элегантен в сером костюме, считом по последней европейской моде: просто и красиво! Мне он напоминал даже Байрона — рыжеватый, голубоглазый и стройный, в блестящем цилиндре... Казался нерусским, но когда я вспоминал, что он косопузый рызалец, мне становилось смешно... У нас были с ним разные столкновения, доходившие до грубых выкриков и чуть не до драки... И, знаете, чаще из-за пустяков. Помню такой случай. Прочел он мне «Черного человека» и

как-то по-особому выкрикнул то место из поэмы, где говорится о поэте: «Хоть с небольшой, но ухватистой силою...». Я сказал, что это он сам. Давай, говорю, попробуем, какая у тебя, мол, ухватистая сила... «Давай, — сказал Есенин. — Только по-честному. На ломкий? На поясский? Я согласился. Схватились и ну ломать дружка дружку. Мне показалось, что я одолею, и ослабил усилия... Есенин быстро это заметил и бросил меня в сторону, выкрикнув: «Пошел к черту! Не люблю фальшь! Шибко умен!».

На том и кончилась схватка. От такой мелочи Есенин подымался на дыбы, гремел, ругался и чуть не бежал по комнате и не бил стулья... Особенно споры у нас разгорались, когда речь заходила о новой поэзии. Сергей Александрович не был красноречивым, нередко сбивался с логики и потому больше злился. Летело вверх тормашками тогда все... Один раз спорили у меня на квартире. За столом сидели Деев-Хомяковский, В. И. Качалов, кажется, Мейерхольд. На столе кипел русский самовар. Есенин разгорячился в споре, да так рванул за скатерть, что самовар наш только блеснул золотым боком. И как мы не обварились — чудол! Спор мгновенно прекратился. Минуты три все молчали, смотрели друг на друга, а потом на лежащий самовар, и вдруг по почину Есенина все расхохотались и мирно продолжали беседу о поэзии. Сергей Александрович сделался тихим, внимательным ко всем, как бы извиняющимся...

Иногда подобные дружеские скандалы кончались «тигуделькой», если они бывали в пивной или другом месте. Тогда приходилось чаще, пожалуй, мне звонить к Анатолию Васильевичу Луначарскому или от его имени и разбушевавшегося поэта водворять восвояси... Нервно-болезненный Есенин, казалось, не мог обходиться без скандалов и громкого захватывающего чтения стихов. А читал он надрывно, потрясая, слушать его было тяжело и в то же время приятно. Он будто гипнотизировал. Тут власть его была необъятна!

Друзей у Есенина вообще было много, особенно когда он располагал крупным гонораром, а ведь есенинская строка котировалась на червонцы... Друзей же настоящих было мало, кроме Галины Бениславской и еще некоторых товарищей, называть трудно. С ним дружили и пили, брали в долг деньги, которые он никогда, как мне известно, не требовал назад, но люди не хранили и не заботились об участии его большого таланта. И надо сказать откровен-

но — я первый, может, меньше других думал и беспокоился о поэте Сергее Есенине. Теперь, когда вспоминаю о нем, делается так горько на душе и больно до слез... Почти все стихи его я знаю наизусть и читаю их при всяком настроении. Я заново переживаю давно минувшее, умиляюсь, этим и живу...

Было это, кажется, в последний год его жизни, зимою, в Москве, на Тверском бульваре, 25, где размещались разные писательские учреждения. Я зашел туда по делу, нужно было видеть Деева-Хомяковского, моего давнего приятеля. Из кабинета его слышался громкий разговор. Хрипловато доносились: «Стихи мои — кровь моя! Тело мое!» Я открыл дверь и увидел стоящего в углу сверкающего глазами Есенина. Он походил на загнутого льва, почти рыжие всклокоченные волосы, искаженное злое лицо, в руках какой-то сверток бумаг. Протиз него стоял ласково улыбающийся хозяин кабинета, что-то громко говорил, но Есенин его не слушал, он исподлобья взглянул на меня и крикнул: «Вот, вот тоже поэт, не напечатавший ни строчки! Саша Сахарок! Сахарок, пошел ты к черту! Какой ты поэт, когда не печатаешь своих стихов! Ты современный, а современность нынче в моде!»

Разгневанный чем-то Есенин с минуту молчал, затем, не сказав ни слова, быстро вышел из кабинета.

«Какая сильная гениальная русская душа!» — произнес Деев-Хомяковский. Я ничего не ответил. Разговор наш не состоялся. Я забыл, зачем пришел, и, не попрощавшись, вышел.

На душе у него что-то было неладное, очевидно... При последней встрече Есенин вдруг сказал: «Пиши, Сахарок, индустриальные стихи! Я теперь тоже за них возьмусь. Сделаем нашу Русь кондовую стальной и гранитной!».

Больше я его не видел. В декабре 1925 года я был в Ленинграде и услышал, что приехал сюда Есенин и остановился в гостинице «Англетер». Сразу я не пошел к нему, отложил до завтра... Когда же узнал, что он убил себя в ту ночь, я бросился в его номер... Я сроду не плакал, а тут разревелся, как ребенок. Да, отговорила роща золотая...

1948

г. Сарань,
Южный Казахстан

На снимке: С. Есенин и А. Сахаров. 1920 год.